

ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА

УДК 821.161.1

Н. Л. Зыховская

«СМРАД ВЕЛИКИЙ»: НЕГАТИВНЫЙ ОЛЬФАКТОРИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Статья посвящена изучению древнерусской литературы в одорологическом аспекте. Автор сосредоточен на примерах вербализации зловония в древнерусских текстах. Прослеживается общая частотность и динамика таких эпизодов, интерпретируется хронологическая трансформация смыслов негативного ольфактория.

Ключевые слова: ольфакторий, одорология, поэтика запахов, древнерусская литература.

Как известно, корпус древнерусской литературы представлен огромным массивом текстов. В 2006–2011 гг. при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) получил возможность создания полноценной электронной «Библиотеки литературы Древней Руси» [1].

Это публикация 12 томов многотомного издания, выпущенных в 1997–2003 гг., где, по словам составителей, опубликовано практически все литературное наследие того времени: «Благодаря своему объему, строгим принципам издания древнерусских текстов, параллельному переводу, комментариям “Библиотека литературы Древней Руси” делает доступным в надежной форме практически все богатство древнерусской литературы» [2].

Отметим, что для наших целей мы в основном обращались к переводу текстов на современный русский язык (каждый текст в Библиотеке доступен и в оригинале, и с параллельным переводом).

Среди полного свода ольфакторных включений во всем корпусе произведений древнерусской словесности есть осязаемый паритет «благовония» и «зловония» – 99 и 85 соответственно (с некоторым перевесом «благоухания», особенно в литературе XVII в.). Такая «гармония» показательна – для ольфакторной картины древнерусского текста парные категории чрезвычайно важны (ад и рай, добро и зло, благонравие и злонравие, благовоние и зловоние). Но если благоухание – это синекдоха Благого Духа, метафора его явленности человеку, то зловоние выступает в качестве не только присутствия «злого духа», но и как знак богооставленности.

Уже в «Повести временных лет» в эпизоде выбора религии для Руси мусульманство «отводится» в том числе и по причине «смрада великого». Здесь смысл слова «смрад» несколько темен, однако можно предположить, что это «смрад телесный», от множества тел, разутых ног, от отсутствия специальных благовоний в храме и т. п.

Далее мы видим, как «смрад» закрепляется за «нечистым духом», маркирует появление злых сил. Например, в «Житии Андрея Юродивого»: «Праведник же увидел блудного беса, стоящего среди блудниц, внешне он был похож на эфиопа, губаст, на голове вместо волос конский навоз, смешанный с золой. А глаза его были словно лисьи; ветхое тряпье покрывало его плечи. И исходил от него такой зловонный запах нечистот, что, не выдержав этого тяжкого смрада, блаженный начал часто плевать и закрыл одеждой свой нос» [3].

Еще более подробна сцена похорон богатого и знатного человека в «Житии Андрея». Андрей духовным зрением видит вместо толпы людей, провожающих тело усопшего, толпу черных демонов, глумящихся над трупом. Изображение этих издевательств детализировано: «Нестерпимый смрад исходил из одра и от тела того грешника, как бывает, когда выгребают отхожие места и расплескивают вокруг навозную жижу и раскидывают смрадные нечистоты. И иные клали на его лицо собачий кал и жир морского пса и прочие зловония, другие же, идя следом, плясали, хлопая в ладоши и ужасно топая ногами, смеясь и издеваясь невидимо над поющими» [4].

Подобную детализацию, доказывающую избрательность древнерусских авторов в поисках средств «антиэстетической» выразительности, находим в более позднем «Сказании, как сотворил Бог Адама»: «И стал Господь Бог глаза ему доставать от солнца, оставив Адама лежать одного на земле; и пришел окаянный Сатана к Адаму и вымазал его калом, тиной и соплями» [5].

Тема телесного смрада характерна для многих памятников древнерусской словесности, выступает символом несправедности, духовной «гнилости» человека. Однако встречаются и исключения. Например, в «Пчеле» (XII в.) говорится о Сократе: «Когда кто-то поносил его за зловоние изо рта, он ответил: “Ибо многие тайны сгнили в горле моем”» [6].

Вместе с тем основная задача изображения неприятного запаха, исходящего от человеческого тела, – это изображение Божьего наказания. Так, в «Житии Авраамия Смоленского» болезни, поразившие неправедных людей, именно зловонны, смрачны: «И после того, как блаженный скончался, сбылось пророчество святых апостолов о преследовавших и прогнавших святого, так что одних из епископов постигла внезапная смерть, у других же появились на ногах синие прыщи, которые лопались, а еще одному внезапный огонь, сошедший свыше, иссушил руки и ноги, у другого же распухла нога и начала гнить, а поскольку она прикасалась ко второй, зараза перешла и на ту, и он умер лишь через три года, у другого же язык стал как затычка во рту, и, написав на доске, он признал свой грех, что изрек хулу на святого Иоанна Златоуста; а Евдоксию поразила жестокая болезнь, ибо у нее из недр шла кровь, а потом был смрад, и она извергла из себя червей, и так злообразно кончила она свою жизнь горькой смертью. Так можно было видеть, как приходит на них внезапно Божий гнев, обрекая их на многие муки и тяжкую смерть» [7].

Мы можем говорить о развитии ольфакторной эстетики, или, правильнее сказать, антиэстетики, связанной с изображением негативных запахов. Так, в «Казанской истории» говорится: «И за это преступление поразил его Бог неизлечимой язвой с головы до ног. Тяжело болел он три года, лежал на постели, весь кипя гноем и червями. Врачи же и волхвы не смогли от болезни той исцелить его. И никто не входил к нему в спальню навестить его из-за смрада, исходящего от него: ни царица, прельстившая его, ни главные его советники. И все желали ему смерти – не только те, кто вынуждены были входить к нему, приставленные царицей кормить его. Но и те убегали вскорее, зажав ноздри от зловонного пота его» [2].

Как видим, и здесь используется основной прием изображения запаха – фокусирование внимания на поведении людей, оказавшихся в зоне действия запаха, а не на его характеристиках. Важно также, что развиваются метафорические возможности негативного ольфактория: в разных произведениях мы находим примеры не только «смрада души», но и смрада жития, смрада слов и т. п.

Иван Грозный говорит Курбскому: «Чему подобен твой совет, смердящий хуже кала?» [8].

В свою очередь в «Сочинениях Андрея Курбского» находим: «А ты, забыв все это, отрыгнул смрад вместо благоухания!» И в том, и в другом случае перед нами ольфакторные метафоры (граничащие с аллегорией), означающие подмену понятий «добро» и «зло» понятиями «благоухание» и «зловоние».

Но одной из самых частотных групп ольфакторных включений в древнерусской словесности является описание запаха трупов и могил. Сам факт обязательного сопровождения разложения тела невыносимым запахом, бывший основной причиной бытового обряда погребения (сожжения) разлагающегося тела сразу после смерти, становился источником оппозиции (благоухание от мертвого тела или могилы рассматривалось как знак высшей праведности и богоугодности).

В «Повести временных лет» Божье наказание «окаянного» Святополка выражено именно проклятием смрада: «Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит же из нее тяжелый смрад. Все это Бог явил в поучение князьям русским» [8].

В Киево-Печерском патерике это поучение развернуто в деталях: «В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры». На вопрос, зачем такое ужасное наказание придумано человеку, явившийся ангел отвечает: «В назидание всем согрешающим и не покающимся было это, чтобы, видевши, покались» [9].

Это развитие темы зримого (ощутимого) наказания смрадом, дурным запахом. Так, в «Казанской истории» читаем такой вариант этого же мотива: «Среди трупов нашли и убитого казанского сеита, и того наглого варвара, что был лазутчиком и изменником, – князя Чапкуна, который лежал нагой, рассеченный на части и так быстро – за один день! – сгнивший, и червями кипящий, и злосмрадие сильное издающий в назидание всем другим изменникам, с лицемерием и неправдой служащим своим государям, – да будет им вечная мука!» [9]. Физиолого-анатомическое уточнение («за один день!») призвано подтвердить божественность происходящего, чудесность этого наказания.

Обратная сторона этого ольфакторного сюжета – отсутствие смердения трупа (например, в «Повести об Ионе, архиепископе Новгородском») либо благоухание, исходящее от мертвого тела, мощей или могилы. Таких примеров десятки: «Когда же покинула (тело ее) святая ее душа, то все место наполнилось благоуханием и осветилось неизреченным светом» («Слово об успении Богородицы», V в.); «Когда лежало его святое тело в хижине его, вдруг распространилось по всему граду благоухание. И все дивились и поражались благоуханию, <не ведая>, почему и откуда оно идет, ибо не знали

о смерти святого» [10] («Память святого Сидора, юродивого... по прозвищу Твердислов», XV в.).

Эпизоды наполнения местности благоуханием, благоухания могилы и мощей активнее встречаются в ранних текстах (до XV в.). Затем ольфакторий преимущественно становится ближе к негативному полюсу (смрад), при этом собственно символическое иерархирование (благовоние – зловоние) все заметнее уступает место секуляризованному реалистическому описанию запахов. Например, появляется тема смердящих трупов погибших воинов – в этом случае речи нет об их принадлежности «нечистому духу», это просто деталь описания военных действий: «Неверный же не хотел убирать трупы своих воинов, задумав метать их катапуль-

тами в город, чтобы разлагались там и смердели. Но те из людей его, которые знали город, рассказали ему о его величине и размерах и о том, что не повредит им смрад. И тогда сошлось множество турок, собрали они трупы и сожгли их. Кровь же, оставшаяся во рвах и потоках, разлагаясь, издавала сильный смрад, но, однако, не повредило это городу, ибо относил его ветром» («Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.») [10].

В заключение отметим, что мотивы [11] «зловония» и «смердения» изображались изначально в отечественной словесности как метафоры душевного запустения. Это еще раз подтверждает философскую наполненность ольфакторного аспекта художественных миров.

Список литературы

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997–2003. Т. 1–12. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>
3. Там же. Т. 2. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2175>
4. Там же. Т. 3. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4913>
5. Там же. Т. 5. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4968>
6. Там же. Т. 10. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148>
7. Там же. Т. 11. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106>
8. Там же. Т. 4. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945>
9. Там же. Т. 12. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10101>
10. Там же. Т. 7. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5059>
11. Русанова О. Н. Мотив в аспекте исторической поэтики // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 8 (59). С. 120–126.

Зыховская Н. Л., кандидат филологических наук, доцент.

Южно-Уральский государственный университет.

Пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080.

E-mail: ladoga_@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.02.2012.

N. L. Zykhevskaya

“THE GREAT STENCH”: NEGATIVE OLFACTORY OF OLD RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to the study of ancient literature in odorologic aspect. The author focuses on examples of verbalization in the stench of ancient texts. Observed overall incidence and dynamics of these episodes, interpreted the chronological transformation of the negative meanings olfactory.

Key words: *olfactory, odorologics, poetics odors, old Russian literature.*

South Ural State University.

Pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080.

E-mail: ladoga_@mail.ru